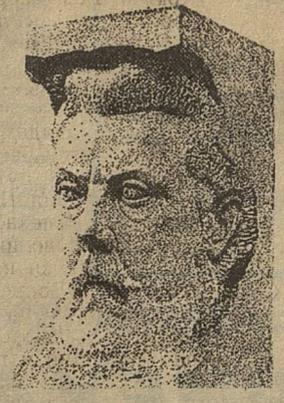

«СКОРБИТ ДУША...»

Сов. кинематограф. - 1990, - 21 апр. - с. 11
Уроки юбилейного Года М. Мусоргского

СТРЕМИТЕЛЬНО летит время... Передо мной программа торжественного вечера, посвященного столетию со дня рождения Модеста Петровича Мусоргского. Позади — год 1989-й, объявленный ЮНЕСКО Годом Мусоргского. Что же дал нам минувший юбилей?

Нет нужды повторяться, произнося высокие слова о непреходящей ценности творчества Мусоргского. Еще одним подтверждением огромного влияния его музыки на мировую духовную культуру явилось прошедшее по всей планете чествование композитора.

Особая ответственность ложилась на нас — соотечественников Мусоргского. Ответственность за сохранение памяти о нем, его творчества. И не только потому, что нас с ним связывают нерасторжимые узы истории, культуры, языка, художественные традиции. Но и потому, что сложное время, в котором мы живем и с которым совпало празднование столетия Мусоргского, оказалось необычайно созвучно тем идеям, мыслям, душевным страданиям, что были сутью его полной драматизма жизни и творчества. Окрашенные трагическим светом далекого прошлого проблемы — личность и власть, власть и народ, политика и нравственность — как нельзя более остро волнуют сейчас наших современников. И тут уместно спросить себя: сумели ли мы сегодня до конца постигнуть гениальные, выстраданные сердцем прозрения художника и гражданина, соотнося их с критериями нашей духовности и морали в нынешней нелегкой борьбе за становление новой жизни? Стала ли его музыка, ее этический пафос действенным фактором нравственного преобразования общества?

Помню, как в конце 70-х годов в издательстве «Музыка» создавалась комиссия по подготовке развернутой программы выпуска произведений Мусоргского.

Одним из первых реализованных планов явилось приобретение у лондонской фирмы «Оксфорд Юниверсити Пресс» прав на издание в СССР оперы «Борис Годунов» в редакции известного исследователя, английского музыковеда и дирижера Д. Ллойда-Джонса. Уже в 1979 году редакция вышла в свет. Следом, с начала 80-х годов, опубликованы «Хованщина», «Сорочинская ярмарка», «Детская», «Картинки с выставки», романсы и песни, «Письма М. Мусоргского», путеводитель по операм, ряд других изданий. Наконец, в 1984 году, уже

в преддверии юбилея, сформировали специальную редколлегия под председательством Г. Свиридова, которая начала практическую работу по подготовке Полного академического собрания сочинений.

Авторитетная творческая группа исследователей под руководством Е. Левашова поставила перед собой задачу изучения и подготовки публикаций всех имеющихся архивных документов — неизвестных авторских рукописей, вариантов сочинений, черновиков, эпистолярий и тому подобных. В год юбилея первый том Полного собрания сдан в производство.

Открылись широкие возможности для приобщения слушательской аудитории к наследию Мусоргского и уж, конечно, для своевременной и основательной подготовки к юбилею.

Еще задолго до торжественной даты многие выдающиеся деятели отечественной культуры обеспокоенно выступали в печати по поводу крайне неблагоприятного состояния дела по сохранению и популяризации наследия великого мастера. Но голоса таких корифеев, как Г. Свиридов, Е. Нестеренко, Е. Светланов, И. Архипова, не были услышаны.

Надо сказать, удручало не только отношение к наследию композитора чиновников от искусства: инертными оказались и те, кого, казалось бы, обязывал профессиональный долг, — дирижеры, режиссеры, исполнители. О недостаточном и неохотном обращении к Мусоргскому вокалистов неоднократно с горечью говорил Е. Нестеренко. Я же как издатель приведу только один пример парадоксального равнодушия профессионалов к наследию Мусоргского.

У нас в стране около пятидесяти театров оперы и балета. Всем известна продолжающаяся десятилетиями полемика вокруг разных редакций произведений композитора. О подготовке издания Полного собрания сочинений, о его содержании сообщалось в аннотированных планах издательства, на страницах специальных и популярных журналов и газет.

И что же? Эта информация не заинтересовала тех, кому она была в первую очередь предназначена. В издательство «Музыка», готовое предоставить все эти сведения в распоряжение специалистов, обратились только... два режиссера: главный режиссер Ленинградского Малого оперного театра С. Гаудасинский, специально приехавший из города на Неве для изучения всех редакций «Бориса Годунова», сверки и уточнения текста «Хованщины», и режиссер Московского музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко О. Иванов, мечта которой была поставить «Бориса Годунова» в

первоначальной авторской редакции и инструментовке.

Разве здесь не свидетельство инертности наших исполнительских сил? Мне думается, причина равнодушия заключена прежде всего в отсутствии нового мышления в сфере нашей музыкальной жизни — того нового, которое уже давно и активно вошло в сферы политические, экономические, социальные. И именно Мусоргский, чей юбилей явился как бы пробным камнем, обнажил эту проблему. Ведь музыка его хранит в себе неисчерпаемые и еще неведомые художественные богатства.

Теперь ясно, что сложившиеся десятилетиями стереотипы мышления, оценки, основанные на догмах псевдотеории социалистического реализма, в прокрустово ложе которых столько лет пытались втиснуть титанический гений Мусоргского, оказались полностью несостоятельны. Затверженные со школьной скамьи трюизмы о Мусоргском-кучисте и только кучисте, о безнадежном кризисе его творчества последние лет, о его якобы дилетантизме, будем надеяться, навсегда канут в скором времени в прошлое. И задача нынешнего поколения — по-новому открыть и услышать его шедевры, дать новые оценки, определив творческие подходы к истолкованию и постижению этой музыки. Многие делают истории, искусствоведы, критики. Но, повторяю, без живой исполнительской практики не двинуться вперед ни на шаг.

Что же с этой точки зрения дал нам юбилейный год? Ничтожно мало. В большинстве своем торжества, посвященные памяти Мусоргского, вылились в набившие оскомину «мероприятия», причем чем выше был их уровень, тем «казеннее» и тоскливее они выглядели. Однако традиция дисциплинированной подготовки «к дате» имела и свою положительную сторону — возможность обзора концертного и музыкально-театрального состояния репертуара Мусоргского. И тут выяснилось, что ростки нового, хотя и немногочисленные для мас-

штабов и художественных ресурсов такой страны, как наша, есть: уже известные, идущие несколько лет талантливые спектакли «Бориса» в Свердловском театре и театре «Эстония». В дни празднования юбилея отнюдь не формально, а с подлинным творческим энтузиазмом прошел Ленинградский фестиваль Мусоргского. Большим событием явился и торжественный концерт в Московском музыкальном театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Как всегда оригинален и талантлив, предстал перед нами Московский камерный музыкальный театр со спектаклем «Модест».

К числу творческих удач следует отнести и спектакли «Борис Годунов» и «Хованщину» в Ленинградском Малом оперном театре (теперь он уже заслуженно получил имя Мусоргского) и «Борис Годунов» в Театре Станиславского и Немировича-Данченко. Может быть, мне они особенно близки потому, что я был невольным свидетелем их создания — от замысла до триумфальной премьеры. Рецензенты уже дали им свою оценку. И мне повторяться здесь нет смысла. Скажу только, что в этих работах мне прежде всего дорого дерзкое стремление к собственному слышанию и видению материала в сочетании с глубоко профессиональным его осмыслением. И еще — современность музыкально-театрального мышления. Кстати, в дни парижских гастролей Ленинградского Малого оперного театра «Монд» писала: «...Внутренний успех и энтузиазм публики являются достойной наградой высокому качеству ленинградского театра... Ленинградский театр как модель перестройки достигает своего рода совершенства в противовес глубоко-му «склерозу» Большого или Кировского театров».

Процитировал зарубежную критику и вдруг подумал: а попади уважаемые рецензенты на «Бориса Годунова» в один из наших периферийных оперных театров? То-то бы раз-

гулялось их ретивое критическое перо!

Действительно, состояние оперного репертуара Мусоргского в нашей провинции не выдерживает иногда никакой критики. Дорогостоящие постановки «Бориса Годунова» и «Хованщины» может себе позволить не каждая труппа. Чаще приходится наблюдать то, что называется «попыткой с негодными средствами», — не хватает ни материальных ресурсов, ни творческих кадров, ни мастерства. А о какой художественной форме, пусть даже удачно поставленного спектакля, может идти речь, если, сохраняя произведение в репертуаре на протяжении многих лет, театр показывает его два, максимум три раза в год. Где уж тут говорить о приобщении к высокому искусству оперной классики.

Говоря сейчас о Мусоргском, я невольно касаюсь одной из самых болезненных наших проблем — бедственного состояния всего музыкально-театрального дела в стране. Впрочем, это тема уже другой статьи, однако хотелось бы пожелать, чтобы в решении всех остро стоящих вопросов жизни музыкального театра, — а в этом направлении первые шаги уже делаются, — во главу угла и мерой отсчета стало высокохудожественное, отвечающее современности возрождение русской классики.

Как ни горько это сознавать, но сегодня нам стоит обратиться к опыту наших зарубежных коллег, чья уже сложившаяся традиция отношения к русской музыке служит достойным примером. Можно лишь восхищаться исключительным уважением, высоким профессионализмом и творческой заинтересованностью музыкантов разных стран, которые со времен Дебюсси впитали беспредельный пиетет к каждому такту рукописи Мусоргского. И не прозвучала ли для нас жестокий упрек постановка в Милане Золтаном Пешко оперы «Саламбо»? А как не напомнить здесь о венском спектакле «Хованщина» под управлением Клаудио Аббадо или о киновер-

сии «Бориса Годунова», музыка которой записана под управлением нашего знаменитого соотечественника М. Ростроповича. Можно привести еще десятки аналогичных примеров.

Сравнительно недавно появилась на ЦТ программа «Музыка в эфире» — умная, интеллигентная, охватывающая все разнообразие жанров музыкального искусства. Но она, к сожалению, сегодня как капля в море, по сути единственная программа, последовательно выполняющая роль просветителя для самой широкой аудитории, при этом не изменяющая ни в чем своему высокому вкусу. Стоит с благодарностью отметить и давно побившуюся программу «Музыкальный киоск». Все остальное музыкальное вещание ЦТ, как мне видится, носит некий спонтанный характер.

На фоне программ политических, социальных, экономических, экологических и прочих, которые нашли такие средства общения, когда телезритель едва ли не собеседник и соучастник происходящих на экране событий, музыкальные программы вытесняют чем-то откровенно вчерашним. Да, внимание торжественной дате было уделено — появились и специальные передачи, и трансляции опер «Борис Годунов», «Хованщина». Но создали ли они ту необходимую атмосферу событийности, найден ли был язык общения с многомиллионными массами, взволновал, потряс, раскрыв наконец мятущийся, трагический и страдающий мир творчества Мусоргского. Нет, этого не было!

Мудро и последовательно ЦТ преподносит нам зарубежные сериалы, посвященные Верди, Моцарту. Но где же, позвольте спросить, телефильмы о наших классиках?

Итак, вновь и вновь вопросы, которым нет конца и нет обнадеживающих ответов. Говоря откровенно, не было бы ни этой статьи, ни ее прочтущего и недвусмысленного заголовка, если бы сегодня, как говорится, не стоял на дворе год 1990-й — год столетия со дня рождения Петра Ильича Чайковского. Что же? И в этот год все повторится — унылые приказы по Министерству культуры, протокольные торжества, показ вынутых из нафталина спектаклей, «дежурные» концертные программы с эстрады и в эфире? И вновь окажется, что подлинно живого и полнокровного бытия творений русского гения так и не обретут в своем Отечестве, как век назад и по сей день не обрела их гениальная музыка Модеста Петровича Мусоргского?

Леонид СИДЕЛЬНИКОВ,
директор издательства «Музыка»,
композитор.